

СТИХИ ИЗ ПОЭМЫ «АДА»

* * *

прутик с дырочками, свисточек
для меня ты почти святая
потому что себя не зная
как листочек нежна
как цветочек

ну а я-то себя уж знаю
изнывая верблюдом от зноя
ты прозрачная вся сквозная
словно прорванный слой озона

не грозою – дождиком пахнет
когда ты открываешь пах мне
мне уютно как в красной пахре
переделкине – где, не знаю

в коктебеле – волошиным, вошью
и ищу я тебя наощупь
вроде бы совсем ощущаю
сяжками усиками ощупывая

насекомый – тебя, незнакомку
по пустынным листам искомую
мою самку, соломку – кою
я ташу, муравей, исконно

быть бесполом – жить бесполезно
потому я несу железный
крест – на нём пуповина из мяса
крест погнулся и член измялся

и не члеником в этот прутик
знать, какой меня бес попутал
ты попутчица, я же – слутник
и тяжёл на мерине потник

пообедал я нынче плотно
а какой с меня слесарь, плотник
я лежу, свою плоть уплотняю
ты же мнишься мечтой, утопией

утонуть ли в кадушке с пивом
тако стонут стихи сопливо
а любить тебя особливо
прошепчу я иначе: спи, мой

спи мой ангел – ну нету крыльев
ох, далёк этот берег крымский
и любовь к тебе криминальная
и оральная, и анальная

спи, в анналы зачтётся нечто
то, что я не доверю почте
только пухнет циррозом печень
только бухнут мочою почки…

/1 авг 89/

ОСЛЕПШИЙ ВОЛК И ОБЛАЧКО В НЕБЕ
(молитва наощупь)

мне видимо Бог запрещает любить
чтоб мог бы я волком от боли той выть
я волком бы выгрыз и сердце за то
что в нём обретаешься ты

не волк я не волк я тоски моей вой
чтоб мог я как голубь курлыкать с тобой
чтоб петь тебе песни как тот соловей
живой и телесной до самых бровей

но Бог не даёт мне а дьявол велит
и боль моя в сердце поёт и палит
художник с палитрой поэт с языком
а я о тебе говорю на каком

о тонкое облачко в небе глухом
и боль достаёт и поёт глубоко
о тонких коленях и тонких руках
и тёмная зорька в слепого очках

и око не видит и ухо неймёт
рука моя в тщетном движеньи немеет
не волк я не волк я готов себя съесть
и выпить всё то что в наличности есть

художник рисует поэт говорит
но кто нас рассудит кивком головы
улыбкою робкой что радость вселит
но Бог мне поверить в любовь не велит

не верю не верю не волк я не волк
а только какой же тебе с меня толк

о красная шапочка в море тоски
тебя и себя разорву на куски

и капают красные капли на холст
художник спокойно рисует мой хвост
пусть вырваны с корнем реэцы и клыки
и волосы спутаны с потом в клубки

пусть плачу как голубь – но когти мои
вонзятся вонзятся в колени твои
раздвинув разинув – и в небо мой вой
и тихо поникну к ногам головой

не волк я не волк я шепну языком
а я тебе ласки творил на каком

но нем мой язык я ослеп и оглох
лишь в небо взмывает протяжное ооооох

о нежное облачко в море тоски
художник упорно рисует клыки

/1.17.8.7.89/

ОБНАЖЕННАЯ ДОЖДЁМ
И ВОЖДЕЛЕННАЯ – НО НЕ ВЕТРОМ…

как странно ощущать вотще живое сердце
вообще что есть оно и что оно болит
я принимаю внутрь предписанные средства
увы они не от любви

явилась в дождь на белой ткани проявилась
открыто как на белой простыне
во сне в окне в кине – во мне – в кинематографе
двоилась бесстыдной чистотой и простотой

улыбка – чья? – что по губам её змеилась
смеялась? вызывала? издевалась?
не милость даровала эта смелость
с которой её тело раздевалось

глаголы: снять? дать? взять? давать? давить…
добавлю: голы как глаголы на бумаге
наглы как мухи и как буквы наги
они меня не могут удивить

но ноги белоснежнее бумаги
зрачки темны и жесты не богемны
восстав из вод подобием богини
она ко мне вернулась бумерангом

вот сердце вот оно не смято – сжато
так значит в нём жила душа когда-то
кантаты тонким пением кастрата
оно по-новой исполняет с жаром

пузата образина бородата
как жаба что взирает в бородавках
на лилию на лядвеи ланиты
в сыром подвале возлегаючи лениво

цветок на тонком стебле или злее –
подобьем обольщающего змея –
но кто кого чарует? кто дарует?
кто у кого последнее ворует?

воркует голубок зане накормлен
зоб полон и змее склонившись на колени
кто кроме сердца на шипы наколот
чья кровь течёт темнея, не алея

где тридцать впереди а где ни трети
как ни крути – в груди трепещет третий
живой комок душой зовомый, сердцем
с ним на руках куда поэту деться

и умудрЕн изрядного изведав
что ныне прошлого извины и победы
лежу, колыша животом, смеясь
се жуть, а в сердце жаба и змея

и втуне мнятся розовые ногти
и резвые неразвитые ноги
и вьющихся волна волос темна
и лёгких уст дыхание – туман

и дождевые капли на ресницах
робеть роптать но тронуть не решиться
при всей определЕнности глаголов
…увы мне – я богиню видел голой

и сердцу ныне выдан головой
терзаем может только быть живой
так эта боль напомним мне не раз
что мир – а в нём она – прекрасны без прикрас

а паче без…
но беса иль небес
сей дар – и спросить я не осмелюсь
… лежит на полочке вставная челюсть
и я смеюсь, паяц – ни боли не боясь…

/3.02. 23 июня 89/

СУБОТНИЕ СВЕЧИ В ПЯТНИЦУ,
7 ИЮЛЯ 1989, 7.35

нонче поздно зажигают свечи
но не вечер капитан еще не вечер
улыбнитесь на прощанье капитан
червяком в подвале копошась

заплутался я в днепропетровских шхерах
костью в горле поперек израильские шпроты
милая я добровольно в шорах
подмочив и сжегши дымный порох

чем зарядишь старую пистоль
чем заполнишь голую постель
постепенно оттепель наступит но прости
руку в сердце мне по локоть – что же плакать – опусти

червяка тоски, сомненья змея не сомнёшь
на руках моих простёртых опустившись
не сомлешь просто ты тоскою сутками со мной
а сама ты не сумеешь

сумрак – свечи ли кошерные возжечь
их с сеанса штук осталось пять ли шесть
а на них гореть мою седую шерсть
может хоть в субботу возжелаешь

ты меня не любишь не жалеешь
ты меня не любишь пожалеешь
это я лежу и зеленою
и уподобляюсь змею

но не мудростью а прахом и грехом
горечь в сердце бьётся чёрным петухом
я лежу не подыхаю потухаю
ну а ты уходишь потихоньку

потихоньку и подальше – от чего
я приду мою калитку отчини
я от отчины отрёкся – от тебя
это заморозки девочка, не оттепель

от того ль и алкоголь и эта боль
не от вопля – волбы выступила соль
столько пива даже криво не сожрёшь
ну а ты не сожалеешь не умеешь

потому что грешное дитя
в рот ещё конфетку взять хотя
твое дело хохотать не холодеть
ну а мне чего ещё хотеть

ребёнку хочется чтоб проще
ребёнку хочется чтоб легче
она не понимает прочих
она не надевает вещи

она не зажигает свечи
сама горя свечой горячей
ещё не вечер капитан ещё не вечер
а если вечер то не настоящий

ещё наступит утро змеем мудрым
я обовьюсь колен её скользящих
и если почему-то очень мурорно
то это в настоящем настоящем

а в будущем – божок или богиня
я руку об горшок обжёг поганя
и в этом настоящем полугимне
я сердце попираю сапогами

я сердце побирушкою пускаю
чтоб счастье меж колен оно искало
гоняясь за пустышкой поскушкой
аз ныне и тебе я отпускаю

наг, нагл и на голые колени
слез тебе я капну умиленья
ах это счастье воскресенье утреннее
… и чёрное суботнее камлание

ещё не вечер капитан ещё не вечер
нехай себе горят в кронгаите свечи…

/8.13.7.7.89/

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ВТОРОЙ • ФЕВРАЛЬ – МАРТ – АПРЕЛЬ 2001 ГОДА • САНКТ–ПЕТЕРБУРГ

– Ну как тебе на ветке? –

спросила птица в клетке.

– На ветке, как и в клетке,

только прутья редки.

© Григорьева Олега Григорьевича

Эти строчки Олега Григорьева больше всего возмутили сочинителя гимна всех времён и народов. Сборник детских стихов был пущен под нож. В гнездо официальной литературы подбросили кукушечье яйцо. Не важно – кем ты поёшь, соловьем ли, кукушкой ли, вороной, обращаешься ли к стае или к своей половине, чтобы свить гнездо, или, как глухарь, слышишь только себя, где ты закончишь свои дни – соловьем в клетке или куром в ощипе, звонок ли твой голос или картав – ты поёшь и в этом твоя суть. Возможно, ты никогда не постигнешь главного вопроса: что есть истина?

Возможно, даже не узнаешь, что вопрос есть,

воробьем собирая крошки со стола сильных мира сего, возможно, и петь перестанешь, склонённый к суровой прозе жизни.

Как знать.

И всё же: пой, ласточка, пой!

Всем известно, что в Советском Союзе не было свободы слова, свободы творчества, свободы печати. Однако и свобода слова, и свобода творчества, и свобода печати существовали. В этом нетрудно убедиться и удостовериться осмотрев выставку «Вольное слово» (поэзия в самиздате), которая была открыта во Всероссийском музее А.С Пушкина на Мойке, 12 с октября 2000 года по февраль 2001.

На ней были представлены журналы, альманахи и поэтические сборники, выходившие в самиздате в 1950-80 годы. Их авторы и составители явочным порядком реализовали свои права на свободу. Произведения многих русских поэтов XX века, не публиковавшиеся в СССР, стали доступны тысячам читателей также благодаря самиздату.

Представленные на выставке «Вольное слово» издания выходили скромными тиражами, а теперь и вовсе малодоступны. Свободная литература и свободная печать известны не слишком широкому кругу читателей. Однако, выставка показала, что интерес к этой литературе безусловно существует. В том числе и у молодежи, которая не испытала на себе пресса запретов.

Любая попытка хронологизации и систематизации литературного процесса вызывает чувство не обиды, а вины – на наших глазах жили, творили и уходили почти в безвестность замечательные поэты, чье творчество оказало влияние на движение литературы русской, но чьи судьбы были трудны, а тексты малодоступны. Выставка «Вольное слово» дала возможность увидеть масштаб такого явления, как самиздат, снять шоры, перестать рассматривать его только как естественные отправления «Клуба 81». Позволила в контексте времени увидеть такие фигуры, как Александр Величанский, Евгений Вензель, Григорий Ковалев, Константин Кузьминский, Слава Лён, Олег Охупкин, Борис Тайгин, Петр Чейгин, Владимир Эрль и т.д. и т.д.

«Акт» из номера в номер будет знакомить читателей со страницами русской поэзии второй половины ушедшего XX столетия, восполняя пробелы утверждающегося неточного представления о литературном процессе недавнего, но мало и плохо изученного прошлого.

Вячеслав Долинин,
Тамара Буковская

Тираж 300 экз. Тамара Буковская – редактурa, Валерий Мишин – дизайн, Наталья Нутрикина – верстка. Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной полиграфии НИИХ СПбГУ. 198904, Старый Петергоф, Университетский проспект, 2. При перепечатке ссылка обязательна.

2

* * *
Всыпет, высыпет мокрым снегом тебе по первое число январь и ты поверишь слепо, что время новое пришло! И как по маслу, как по руслу, во всю ивановскую, вскачь – лети за птицей-тройкой русской, дуркуй, дурачься и дурачь! И под слепыми небесами остановись среди зимы: прости нас, Господи! Мы сами не чуем под собой страны… И онемевшею душою не возлюбить и не простить, а только с частотой блажною пространство мерзлое крестить. И, узнавая в птичьем крике свой голос, голову задрав, смотреть, как елочные пики дырявят голубой рукав.

Янв. 2001

* * *
В пьяной сырости, в тяжком загуле непутевой, нескладной зимы, в дрызге, просвисте, посвисте, гуле ветра с мокрядью маешься ты. Майся, майся, жгутом завивайся, заливайся по горло вином, уходи, отставай, оставайся, с головой зарывайся в пальто – ты не спрячешься и не попытайся, все равно не о том, не о том! Не о том, не по чину, не к месту, не путем, кое-как, не всерьез – балагур и юродивый местный, просто дурень, ни пьян, ни тверез. Все не выболтаешь, не расскажешь, не провоешь себя, не продашь, не размочишь, развеешь, размажешь, все никак за пятак не отдашь!

11 февраля 2001

* * *
В феврале сходить с ума – кому ума не доставало? В мычанье сладостном «мы-ма» мелькает смысл под одеялом тоски без просыпу и сна без утешенья и побудки, и не свисти мне, что весна в скворешне прячется и будке. Она настанет для того, кому ума не доставало с утра твердить: мороз – ого, да что-то нынче снегу мало.

15 февраля 2001

* * *

В.М.

Растекаясь не мыслью по древу, а в февральской воде растворясь, в землю, в месиво, тонкую плеву досознанья обратно просясь, ты – дыхание жизни непрочной и тяжелая стычка причин, и тоски омулевая бочка, и куплет, и припев, и зачин. И таясь, и боясь, и вплетаясь в иноходь, иносмысл, иновязь,

языком о косяк заплетаясь, прошиваешь отточием бязь. И короткая эта рубаха – то ли печь, то ли течь, то ли речь, где от запада и до запаха ничего не спасти, не сберечь – с головой тебя выдаст. А плакать – только воду в ступе толочь! И творожит февральская слякоть, да ознобом колотится ночь……

17 февраля 2001

* * *

Из железной арматуры, из бетонных стоекв день выглядывает хмурый – поглядел и был таков! То ли беженец с Кавказа, то ли местная шпана – длинно сплюнет, зыркнет глазом, руки в брюки и айда! Не ищи его – не надо. Он такой же, как и те, из бытовки как из ада, предстающий в наготе, непотребный, неподсудный, тихо крадется, как тать, нераскаянный и блудный сын – кому его искать? Он как те, что были-сплыли, и как те, кого не ждут, ветром скрученный из пыли по глазам секущий жгут. Безнадежный и убогий, с дурью, хмарью, ломотцой, был да сплыл и, ладно, с Богом, все же, стало быть, с отцом! В подворотни зев, под арку проходным уйдет двором выдох пара, круглый, жаркий, не держи его, потом все равно присыпет крупкой, мелкотравчатым снежком, между булочной и скупкой – цельностянутым мешком! И закатится, как мелочь, под пустой пивной ларек беглый каторжник и сволочь – промелькнувший между строк день ли, бомж, поддатый нищий. ушлый, дошлый и срамной – клок листа бумаги писчей, неисписанного мной.

11-18 февраля 2001

* * *

Сопли что ли размажет зима по лицу у Апрашки – там где лед полысел – не вода, завитки и барашки. Вот те на! Будем живы, видать, и хана зимней дури. Дон Жуан (водка, спирт – твою мать) подъезжает к Лауре! И топорщится сломанный куст распальцовкой блатного, матерьялен, согрет, даже густ воздух, как подмалевок, основа: основание жизни такой, про какую никто не напишет, но какая сама за себя постоит и продышет.

17 февраля 2001

* * *

Смотри – уже свисает с крыши самоубийственная туша из снега первого, второго, и нынче ночью, в пол-второго, не под гимнические песни, а под возню бузы воскресной, все это крякнет, треснет, слезет правее двери от парадной. Еще чуть-чуть, так, аккуратно. И, медленно скользя по жести, без героического жеста, добьется все-таки эффекта и ухнет вниз, взлетая кверху! Как третий снег, второй и первый – в таком порядке небывалом и цвете алом, алом, алом…

17 февраля 2001

* * *

И спереди, и сзади, а нелеп декор Суворинского театра – он сзади выглядит, как склеп, а спереди, как Клеопатра. И преизбыточен, деibel, как тело перезрелой львицы (зеленка, вкрапленная в мел и молью траченные лица). Глядишь и шмякнутся, как ком, кондитерские завитушки – тургеневской бородачи холм и бакенбардовые тушки. Должно быть, спутав времена или спряжения глаголов, он стал к Апрашке задом. На кой черт тогда ему приколы? Зачем повесил фонари, каких в Китае не бывало, когда закат, как нефть, горит и небо с краю запылало? Зачем опутан, как блатной, колючкой, обнесен забором? Он здесь на месте, он здесь – свой, никто не сунется с укором.

Здесь все – смешенье языков: чечня, туретчина, китайцы. Потерся здесь – и был таков. Ищи-свищи, как в поле зайца. С Фонтанки ветер принесет плач детский зимовавшей чайки. Здесь торг уместен и народ не сбитень просит или сайки. Здесь жизнь сама идет вразнос, в разлив, в бутылях и флаконах, здесь воздух крут и выбор прост и публике не до поклонов. Уже не вызовут на бис всю эту пеструю ораву, но те, что смотрят сверху вниз, смеяться не имеют права. Театр. Задворки. Суета большого торжища, базара… Не та пропорция, не та. Но времени осталось мало.

18 февраля 2001

самиздат

11

* * *

Я бы жил совсем иначе, я бы жил не так. Не бежал бы, сжав в комочек проездной пятак.

Не толкался бы в вагоне, стоя бы не спал. На меня б двумя ногами гражданин не встал.

Я бы жил в лесу усатом, в наливном саду этак в тыща восьмисотом с хвостиком году.

И ко мне бы ездил в гости через жнивь и гать представитель старой власти, в карты поигать.

ЛЕРМОНТОВ
(три стихотворения)

1. Парус

Душа страшна и холодна.
И страсть одна – как жизнь одна…
Лишь раздувает серой парусиной
по небесам бескрайнюю Россию:
для одиночества она уже годна.

2.

И где бы на пути своем он ни был,
ему везде сопутствовала смерть:
она лежала, как земля под небом,
как вокруг земли морей безмерных сеть.
А он молчал, как власть имущий Демон,
пером гусиным жалобно писал…
И землю рвал с ее насущным небом,
как в трех местах прострелянный гусар.

3.

Скачи, смельчак, дорогой известковой,
дорогою надломленной с торца:
мы научились верить, что конца
не будет скачке.
Смертного кольца
уж согнуты счастливые подковы…

Нам недоступно слез твоих литье,
хоть станет с нас и горести и скверны,
но в наше время пули не бессмертны,
и где-то средь предместий и предсердий
растлили мы неверие свое.

Не веком прокляты – мы прокляты навеки –
нас выклевал из чернозема грач,
нас вырубил не плотник, а палач…
И да святится Лемонтова плач
сквозь угрызений стиснутые веки!

* * *

Когда на вас навалится зима
всей беспросветною декабрьской тьмою,
возьмите черный том Карамзина:
что там заложено кровавою тесьмою? –

все те ж снега с прорехой зорь,
дымок жилия у волка на примете,
вся равнины самодержец ветер
да слез морозных кристаллическая соль.

Быть может, вам пригрезится тогда:
декабрь и есть декабрь – и никогда не минет
его незрячий ветер на равнине
да золотая зорь его орда…

* * *

…И только время с высоты
смогло б уразуметь,
что глохнут свежие сады
и зеленеет медь,

а человек уже сухой,
как кокон без нутра,
забыв пугающий покой
работает с утра.

И только время, только мгла
с бессмысленных высот –
зачем – увидеть бы смогла –
он крестик свой несет.

ЛЕТО

Здесь на этом самом месте,
где зарыт ничейный клад,
год настанет неизвестный –
неизвестный, как солдат.

11

Но пока тюльпаны алы,
толпы в сумерках белы…
И везут, везут вокзалы
тонны будущей золы.

* * *

Вот увидишь – умрешь,
и тебя поймут.
Станет правдою ложь
через пять минут.

Ненадежно житье,
как гнилая гать –
ну а смерть не гниет,
надо полагать.

Тлен прекрасен и бел –
лишь окаменев.
А коль горько я пел –
по своей вине.

Принимаю удел –
временно не быть.
Я и сам не умел
вовремя любить.

* * *

Весна страшна старухами
давнишними – о, да! –
есть воздух свежеструганный
и дымная вода,

в любом районе города
есть дворик-акварель
и воздух узкогорлый,
и таянья свирель.

Но в лужах, где кружение
свершает небосвод,
плетется отражение
(провизию несет),

окутано дремотами,
идет оно домой,
небес касаясь ботами
и белой головой.

На подскользнитесь, бабушка! –
здесь под водою лед!
Еще квартал (ах, батюшки!)
и лестничный пролет…

ИЗ КНИГИ «ПОЛУСЛОВО» 1968-1969

СЕНТЯБРЬ

Уплывает наша роща –
не заметишь, как сады
женщина белье полощет
в отражающей роще,
в ледяных ее кругах.

Ярко-красною рукою
прядь откинет за виски.
Отраженья с рук стекают:
и от них мостки сверкают
ярче неба, ярче рощи и реки…

ИЗ КНИГИ «РАВНОДЕНСТВИЕ» 1970

* * *

Снег еще везде расстелен –
не заметишь, как сады
в копошащуюся зелень
вылезают из воды.

И природа без разбора,
не опомнившись от сна,
уж разбрасывает споры
и роняет семена.

И в неясности прозрачной
исчезают вечера.
Солнце – как пыльцо брачной
позлащенная пчела.

…Если все для смерти,
если замыкаются круги –
золотое равновесье
на секунду помоги!

* * *

Летом из холодной печки
пахнет стужею и сажей.
На плите неразогретой
полстакана молока,
пачка соли, нож и спички

и еще комок бумажный
из засаленной газеты
от январского денька.

* * *

В детстве в нашей речке Липке
часто вспыхивали рыбки.

Под водой в своей тиши
жили камни-голыши.

Над водой вставали в позы
темно-синие стрекозы.

И лежала голышом
мама с желтым малышом.

* * *

Был день от зноя лиловатый.
Шиповник цвел аляповатый.
Кричали малые ребята.
И лял пес.
И лял пес.
По рытвинам между берез
тащился облачный обоз
и нас с тобою вез да вез
куда-то…

* * *

У реки ли своя долина,
у долины ль своя река –
или зной непродолимый,
установленный на века?

Потеряли сознание дали –
зною темному невдомек:
это дерево пролегает
через просеку поперек.

Тяготеют шаги бедою,
притаившейся за бугром:
из колодца несут водою
отливающее ведро.

Сам собой встрепенулс кустик,
и сознанию вопреки
в лопухах полыхнули гуси,
платье хлопнуло у реки.

Рябь прошла по вершинам синим,
расплескались в селе сады.
Все отчетливей древесина
узловатой сырой воды.

Жизнь внезапная приближалась –
стала шумом меж камышей,
придавила к земле стрижей,
твои руки к груди прижала.

Спелой мглой облака намокли.
Тьме потерянной невдомек:
ветка молнии – недомолвка,
вновь – ни ветки и ни домов.

В голосах проступила влага,
капли выступили в пыли,
опустилась на дно оврага
вся поверхность сухой земли.

И комком подкатила к горлу
вся скопившая силу тишь –
ты теперь запрокинешь голову
на ливень ты поглядишь.

– Побежали! – но только ветки
замелькают на этот крик:
озарившись застыл навеки
неподвижный единый миг,

и в пространстве необозримом,
вспышкой памяти озарен –
гром потресканный, как руина
небывалых былых времен.

* * *

Внизу все та же речка
белесая мигает –
в зеленой электричке
проеду я над ней:
уже приелась зелень,
уже не помогает,
и август неписелен
и недоступен мне –
сиреневые дачки,
цветочки, водокачки,
ни облачка, ни тучки
на небе голубом,
но твердой оболочкой
покрыты все предметы,
и их как будто нету
и не было кругом.

самиздат

10

ИЗ КНИГИ «УДЕЛ» 1968

* * *

Зной настал. Завыли осы. Тень отбросили навесы. Над водою белобрысой легкий мрак затрепетал. В полукруг песчаной бухты тихо навострились яхты – очень длинные (как вахты), отливая как металл.

Но не в этот день, а прежде на разбросанной одежде, притворив лениво вежды, эта женщина одна здесь лежала (день был хмурый, тучи горбились, как горы) – вся пропитана загаром, проникающим до дна.

ДЕТСТВО

Нагревается белый кафель. Там, за кафелем – наш картофель зашипел… На зеленой стене – наши трещины в старой краске: горы, головы, войны, сказки… и окно начинает синеть: становиться все гуще, гуще… занавески слипаются… Вмиг исчезает из печки пицца, исчезают из комнаты вещи – вещь за вещью… и даже спящий навсегда исчезает в них…

* * *

Сентябрь гас. В который раз тряслись и осыпались рощи, и насаждений маленькие мощи долой, казалось, исчезали с глаз.

Наверное, я отправлялся в школу, а в рыжей яме проводили газ, и на отвале этой ямы голой сидел мужик. И я запомнил нас.

На силикатной стройке в этот час жгли кучно мусор – белый и огромный, и в нашем парке, в нашем мире кровном горели листья, небом облачась.

…Окончилась пора небес и гроз, крепчайший дуб однажды расщепивши… Сентябрь. Мужик к работе приступивший. Учителем поставленный вопрос.

* * *

Опять я подобрал один из первых листьев, подрезанных ушербом как ножом. (Под липою. В день августовский, мглистый). И сходство с прошлогодним в нем нашел опять… И вновь он был настолько ярко, средь пропыленных трав настолько желт, что вновь воспринимался как подарок, и вновь на миг не верилось в него: он, как весной, был тонок, свеж и жалок, и веры требовал и счастья одного – лишь счастья чистого: без строчек, без помарок!

И я как черновик порвал тот лист… Мне поделом о нем слова не удалось: он вживе явленный – уже как память ярко.

* * *

Был белокаменный мороз, ряд каменных деревьев рос, дымились толпы, каменел дыханья дым, дыханья мел, снег, превращавшийся в песок, скрипел настилом из досок, и был мучительно далек тот путь, что летом мал… Спасибо, был на свете человек, который это знал и понимал.

* * *

Вчерашний день был прожит навсегда средь уличных прикрас и околесиц… о. счастье легкое! оно совсем не весит, оно не оставляет ни следа!

Теперь пройдут два дня, неделя, месяц, и схлынет черная вечерняя вода… о, с временами нам не совладать: весна снует и тротуары месит…

Родная! мы останемся одни на миг один, на звук чужого стука… о, счастья безутешного наука:

АЛЕКСАНДР ВЕЛИЧАНСКИЙ

10

а после вновь пройдут за днями дни, прозрачную распространяя муку, и слов не вымолвив и слез не проронив…

* * *

Перестали птицы петь, потому что птицы ведь – не железо и не медь – вот и лето было, минуло, постыло… а напротив: ливни-лить, листья – заросли палить, и деревья оголить: металлические сетки у постелей…

До свиданья. Хорошо, что посетили. Я не в силах вновь об этом сожалеть.

* * *

Кину труд и кину ропот и толпы его ковыль, кину улицы и тропы, отошедшей жизни боль,

всей зимы былой синишник, все подснежники-дома… Приблизжайся, жизни лишней темно-синяя кайма,

где работа не томилась, где откуда ни возьмись появлялась мысль, и милость осеняла эту высь,

эту даль, куда отвека хочется подать рукой: лес с протянутою веткой, дол с протянутой рекой…

* * *

Покой? Запомни хоть такой, когда кружились над рекой древесные крутые кроны, и неземные ив поклоны, и чащи внутренний покой, льняных полян цветные складки, полей глухой переполох, и сеновал густой и сладкий, в котором сенокос заглох, всю деревянную деревню, чужую тучу за бугром, и горизонта видимые гребни, и тишина: как в летописи древней – мы жили здесь и здесь опять умрем.

* * *

На мертвом теле фитилек – летает смертный мотылек, и огоньком полета его сжигает кто-то.

Летает в поле мотылек, и уголяет уголек его слепого тела – пространства и пределы.

Куда как мал и недалек, ежеминутный мотылек, что за собою ты повлек, охваченный полетом, как луг с его болотом, как лес и дол и неба потолок?

ИЗ КНИГИ «ВОСПОМИНАНИЯ О СМЕРТИ» 1968-1969

* * *
Наш век жесток и в верованьях крут. Но даже в нем хотелось бы остаться, когда по нашей улице идут, окончив подневольный труд, красавицы и святотатцы, и между ними там и тут всё дети кружатся, выкрикивая святыцы…

* * *

Деревянная махорка. Спичек нету. От «Известий» длинные клочки. К моему двоюродному деду ниточкой привязаны очки.

Он читает графа Л.Толстого – из «Войны и мира» два листа: не красоты замысла и слова – лишь иноязычные мesta.

Бабушки готовят и ругаются, разгребая в печке красный пыл, оттого, что несожженного Брокгауза и Эфрона дедушка пропил.

…Он кончал училище реальное и из юнкерского вовремя сбежал. Пропил свою должность театральную, осужденье общее стяжал.

И в театре, где сперва заведовал, стал он декорации носить. Новому начальству не завидовал и взаимы на выпивку просил.

А потом жена ушла с детишками. А жилплощадь бомбой разнесло. И остался дедушка с усмешками всем сознательным племянникам назло.

Но пред смертью был допущен внуков пестовать. Поколоть дрова. Принести воды. Тут и полегчало: бросил пьянствовать – холил сад и огород садил.

Стряпал. И ребят любил. И минуло столько лет, насколько стало сил… Умер обирая куст малиновый: отдохнуть на лавочку присел.

Бабушки жалеют деда мертвого и о нем умеют горевать. Каждый год в день ангела именного ездят снег от деда отгребать.

* * *

Вот и снесли тебя, вот и снесли, дом, где я вырос из старой земли, будто и впрямь доказать захотели, что меня не было на самом деле там за годами в густой тополиной дали…

Нет ни сараев твоих дровяных, ни раздиравшего душу бурьяна, нету ворон, что зимою багряной вместе с деревьями оголены… Поздно жалеть, раз уж прежде жалеть было рано…

В этих стихах остаются холодные сени, где половицы косят под извечной скрывааясь сундук, стол под ислтвешей газетой, оконце с погодой весенней, лестница с плачем насылу ведущая в сени, наших шагов по которой спускается стук…

… Низкие комнаты жмутся к нагретшейся печке, Есть на заслонке чугунной забытого века клеймо, окна зимой на заре оплывают, как сальные свечки, вечер, и в комнате словно в грядущем темно… Вот и снесли тебя, теплая детская вечность!

…Плачь, человек: обесцветило время глаза!
Плачь, человек: надломилась спины крестовина!
Плачь, человек: ты не в силах об этом сказать! – плачь и рыдай над молчанием непоправимым…

* * *

В продолжении рода спасенья себе не ищи: нищету своей памяти ты завещаешь потомкам – и не видят они, как ты медленно таешь в ночи – на глазах исчезают окутаны временем тонким.

Никого не вини, никому не печалься о том. Одиноким виденьем становится жизни истома – а кругом тот же скарб, тот же скрип у дверей – тот же дом, тот же скверик с детьми перед окнами милого дома…

* * *

Смерть в том, что Пушкин Блока не прочел. Жизнь в том, что Блок всю ночь бормочет с Тютчевым. И все бы проще, все бы ни по чем, но жаль до слез проклятого грядущего!

Лишь в замыслах чуть теплится оно (ведь выраженье – замыслу отместка), и Пушкин чувствовал ВОЗМЕЗДЬЕ Блока, но ему об этом, к счастью, было неизвестно.

* * *

Я отступаю медленно, но верно от времени назначенного мне. Настанет срок для дней обыкновенных – их верхний слой окажется на дне… И коль скучны вам страхи в этом роде, что ж, пусть мне этот мир не по перу – я вам не говорил, что Я умру – я говорил и говорю, что Вы умрете.

АКТ

3

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ – СЛАВА ЛЁН

стихи: СУПРЕМАТИЗМ (1915) – КВАЛИТИЗМ (1957)

СТИХИ МАЛЕВИЧА

Уле Эле Лэл Ли Оне Кон Си Ан Оюн Кори Ри Каосамби Моена Леж Сабно Оратр Тулож Коалиби Блесторе Тиво Лрене Алиж

АЗБУКА МАЛЕВИЧА

Аз Буки Веди
Глаголь Добро
Есть Живете
Зело Земля
Йже Како
Люди Мыслите
Нашь Онъ Покой
Рцы Слово Твердо
Укъ Фертъ Херь
Отъ Цы Червь

МАЛЕВИЧ – ДОСУПРЕМАТИСТ

Малевич ходит в школу сначала импрессионистов, дабы штению высокому Руси

пристало наконец-то учиться malerei и предьявляя нечто когда приидеешь в Рай

потом был мирискуссник Малевич а потом на примитива кустик улёгся животом

крестьян свернув в цилиндре он сделал первый шаг кубиста-футуриста а вёз его ишак

авто-локо-мобиля-мотива

новизны кого пришпорил было Малевич до весны

Тринадцатого года – последнего Руси когда цвела погода от выпавшей росы

на творчество великих заумников-творцов явивших знаки-лики «Квадратов» и «Торцов»

на пятом измереныи четвёртого конца Вселенной на арене СУПРЕМАТИЗМА –

ца-рившая дотоле академическа-я живопись юдоли сказала что – Доска

на долю Гробовая ей выпала теперь! – И горько пребывая во тьме

несла потерь

отныне и вовеки веков последних тьму – а мы открыли веки научены уму МАЛЕВИЧЕМ!

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

у ЧЁРНОГО КВАДРАТА четыре стороны по тайнству — на брата с лихвой одарены

Одна как БЕСПРЕДМЕТНОСТЬ неузавима: пуль стрельбы – и самой меткой! – не страшно: ибо –

в НУЛЬ!

Другая – ЛАКОНИЧНОСТЬ похвальная: на цвет – на форму – на конечность – НИЧТО –

на Белый Свет

А всё богатство – в ЗНАКЕ и СИМВОЛЕ – чего? – тайнственности

аки на Небе – Божество

Четвёртое начало – решительный КОНЕЦ язычества – мочала – кола – двора –

П О Т Е Ц!

23 февраля 1999

«В ПРИРОДЕ СУЩЕСТВУЕТ ОБЪЁМ И ЦВЕТ…» (1918-19)

Картину надо слышать а звук уметь читать но Дар даётся свыше бездарным не чета

Скульптуру оскопили и неизвестен цвет её исходной пыли по имени терцет

У тонкого Кубизма две грубые ноги на обе канцлер Бисмарк напялил сапоги

Отсюда неue Ordnung ЕДИНСТВА коли бьём в ладоши и по морде цветами – звук – объём

Успехи ТРИЕДИНСТВА сегодня налицо и НОЛЬ! – не единица – выходит на крыльцо

Но внутреннее ухо способно ухватить ещё подобье звука зубами! –

акватинт – а в качестве мерила звучания ценна рублём – и вот смирила художника цена новаторов и ар-хаистов на дуэль: классический навар с Искусства надоел

Кубизм построил Вещь и светел как заря вошёл

но – вышел весь и весть – выходит – зря!

а Мир явил Лицо в распыле совершенств окна заподлицо размером шесть на шерсть

Евреи Образ-лик изобразив не тот Пилату тьму улик внесли как анекдот

И вот среди растяп не тот имевших вид и был Христос распят – и кто нас оживит?

А зренье наших глаз есть истинная ложь как вопиющий глас в пустыне зря и сплошь

Лишь зрение ума теперь имеет смысл а Образ есть тюрьма корысти коромысл

И нужен только Лик в переплетенье форм являющийся лишь уму как семафор

Как беспредметен Лик так безрасцветен Цвет и коли Свет велик то чудом Белый Свет

А мы стремясь вперёд назад должны – просты – уйти наоборот к истокам чистоты

Теперь хоть удавись Супрематизм – король! Прощайте – ваш фавизм и футуризма роль

«Я НАЧАЛО ВСЕГО…»

(начало 1920-ых годов)

Под Я разумеется человек

Я Начало всего и миры создаются в сознанье моём уходя от великой муры умозреньем гляжу в водоём

в ёмкость Бога провидя себя отыщу я в безликом себе интуиция – это судьба и тропинкою разум в судьбе

осуждаю гримасу лица своего хохотущего зря по лесам не смеётся лиса по природе серьёзно паря

я ношу оболочку кольца в память рабства людского во рву тьмы незнания срывая с лица богоборчества маску сорву

Бог не скинут! – и Ницше не прав

жёлтый дом

до поры человеческих прав не пори чепухи, управдом

Триединство – великая из тайн Всесильного Бога

и мы воздвигаю супрематизм напрягаем до ручки умы

через Сына мы знаем Отца сотворившего видимый мир и невидимый в гранях Конца Света

апокалипсиса миф у воды состоянии льда – пара – жидкости

и человек не примет ли Духа Свята-го в Небесном периоде нег

матерьяльность оставив Земле и предметности мира сего с его перстью и прахом в золе не объёмлет ли Дух торжество новой жизни

где каждый скелет формы тела исчезнет совсем распыляясь в отсутствии лет в райском цвете пуху и овсе?

Наше третье перевоплоще-ние трудно представить себе как тащить в сапогах и плаще свой скелет на своём же горбе

Страшный Суд восрешение нам смысломудропокаившимся обещает,

а верным штанам только в пекле скорбеть там и сям

Так закончится жизнь на земле Вещства –

беспредметно

без форм распылённо прекрасно во мгле остаётся мигать семафор…

23 февраля 1999

23 февраля 1999

ХУДОЖНИК *(начало 20-ых годов)*

Художник это Дух в нём формы нарастали вещей с пещерной дали: прибавочный продукт

художник есть кумир а мир неис-черпаем хо-хочем черепами открыть открытый мир

увидеть мира грань и в сумке результатов ядром имея атом похвально в эту рань

но раб готовых форм их и воспроизводит и бес по кругу водит а я хочу реформ

отшельником Худож-ник пестует обитель свою и не в обиде когда приходит дождь

но солнце перемен в эпохе наступает ногою наступает на мертвеца Кармен

и что есть Красота? отнюдь не чудо-юдо а прелесть чувств уюта не эта и не та

со временем любовь приходит к протестантам: туземец ими станет похвастаться – любой

завеса тайн падёт и зауемы играя вратам открытым рая отныне этот

ТОТ

23 февраля 1999

МАЛЕВИЧ В ТЮРЬМЕ

Коли сел в тюрьму насильно без дознания и суда Бесов стало быть носило рать куражиться сюда

мчатся тучи вьются тучи невидимкою луна освещает снег летучий мутно небо ночь мутна

дверь глазок решётка нары над парашей тонкий пар не сбжеать уже до Нарвы нервы – норовом пропал

дали срок и не отнимет Бес его – ты сам не рад небо в клеточку отныне ЧЕРНЫЙ замертво КВАДРАТ

бесконечны безобразны где каждый скелет формой тела исчезнет совсем распыляясь в отсутствии лет в райском цвете пуху и овсе?

вспоминай теперь Германи-ю триумф хвалы проект Будущего – тайм из мани Слава-Глория –

проех-али насмерть али хуже Ад क्रомешный! – на земле есть Тюрьма: людей до кучи в прахе – порохе – золе

посреди борьбы Малевич ты не то намалевал смыслом жертвья малейшим – правит же корданный вал

по закону диктатуры по колоннам и подряд кубатуры тары дуры гегемон пролетарьят

есть единый образ – Сталин для раскрытия на свет и к нему теперь приставлен соль земли её и цвет

только красного квадрата с четырьмя его вождей допустимо транспаранта рисовать без лошадей

но Будённый должен скоком на коне изображён с длинным у сом

с ложным коком без своих четыре жён

на тебе же друг-Малевич тут в режиме и окрест был поставлен, наш милейший, твой же самый

ЧЁРНЫЙ КРЕСТ

23 февраля 2001

* * *

Константину Константиновичу Кузьминскому много лет спустя

Жужжит о́са,
возле но́са,
нет возле но́са
жужжит о́са,
нет не о́са,
а о́са,
жужжит о́са
возле но́са,
нет, не но́са,
а но́са,
и возле но́са
жужжит о́са,
и возле но́са
папиро́са,
и знак вопро́са
возле но́са,
а о́са
возле но́са;
жужжит же му́ха
возле у́ха,
и возле брю́ха
жужжит му́ха,
если не му́ха,
а муха́,
тогда не брю́ха,
а брюха́,
тогда не у́ха,
а уха́,
а так вот му́ха
возле у́ха
и возле брю́ха
жужжит му́ха,
а вот о́са
возле но́са,
а возле но́са
только о́са;
но папиро́са
возле но́са
и знак вопро́са
возле но́са,
если не о́са,
а о́са,
тогда не но́са,
а но́са –
возле но́са
папироса́,
знак вопро́са
возле но́са,
пусть лучше о́са
возле но́са.

1999

* * *

Москва-Москва,
дела-слова –
одна цена,
кремль и стена –
всему глава.
Один за два.

Базар-вокзал,
смолчал-сказал,
поднялся – князь,
споткнулся – мразь,
в грязи – в чести.
Три к десяти.

Охотный ряд,
подряд – Арбат,
Петровка плюс,
Неглинка-флюс,
пятак в горсти.
Пять из шести.

Деньги-товар,
разор-навар,
кредит, патент,
магистр и мент,
в карман, в суму.
Семь к одному.

Второй проезд,
восьмой подъезд,
седьмой тупик,
вкось-напрямик,
не развести,
Два к девяти.

Звезда-орёл,
оплот-раскол,
герб или гимн,
одно с другим,
погон и крест.
Что есть – то есть.

2000

ИЗ ПУШКИНА

Три девицы под окном,
две девицы за окном,
одна девица на окне,
три девицы в стороне,
две-три-пять девиц в гостинной,
две девицы под картиной,
одна за чтением Вольтера,
три девицы за портьерой,
две девицы меж собой,
три девицы вразнобой,
три девицы друг под дружкой,
две, нет три, нет пять с подружкой.
три в обнимку на балконе,
две улиткою на склоне,
три мечтательно в беседке,
две нечаянно на ветке,
две девицы в гамаке,
три совсем на сквозняке,
одна девица за углом.

две – три там же вчетвером,
три с вибратором в руке,
на гладильной две доске,
три почти под потолком,
две девицы уголком,
одна девица как закладка,
а одна – почти загадка,
не обмолвится ни с кем,
и по-прежнему в тоске,
и по-прежнему одна,
и сама себе верна.

1999-2001

ВАЛЕРИЙ МИШИН

* * *

Эдуарду Шнейдерману

Хачапури, чурчела, пахлава,
трубочки, минералка, пиво,
хачапури, чурчела, пахлава,
вобла, чехонь, пиво,
хачапури, чурчела, пахлава,
пирожки, беляши, пиво,
хачапури, чурчела, пахлава,
кукуруза, инжир, пиво,
хачапури, чурчела, пахлава,
дабл ю, дабл ю, дабл ю, пиво,ру.

1999

ХИЧКОКФОЛЬКДЖАЗ

Как будто прилетели птицы,
гоп цинцы-брицы, цинцы-брицы,
гоп цинцы-брицы, цин-цаца,
и заклевали молодца.
И заклевали молодца,
гоп цин-цаца, гоп цин-цаца,
и отклевали пол-лица,
гоп цин-цаца, гоп цинцы-брицы.
Как будто прилетели птицы
и заклевали молодца,
до поясницы, до крестца,
гоп цинцы-брицы, цин-цаца,
и доклевали до конца,
гоп цин-цаца, гоп цинцы-брицы.
Как будто прилетели птицы
и заклевали молодцу.
И заклевали молодцу,
гоп цин-цаца, гоп цин-цаца,
и отклевали два соща,
гоп цин-цаца, гоп цинцы-брицы.
Как будто прилетели птицы
и заклевали молодцу,
до крестца, до поясницы,
гоп цинцы-брицы, цин-цаца,
и доклевали до конца,
гоп цин-цаца, гоп цинцы-брицы.
Зачем же прилетели птицы
и заклевали молодца?
Совсем юнца, почти птенца,
гоп цинцы-брицы, цин-цаца,
гоп цин-цаца, гоп цинцы-брицы.
Зачем же прилетели птицы
и заклевали молодцу?
Совсем юницу, божью птицу,
гоп цин-цаца, гоп цинцы-брицы,
зачем же прилетели птицы?

2000

* * *

Пятак падает, звеня и подпрыгивая,
дурак падает, гремя и подрыгивая,
чудак падает, плашмя и подмигивая,
мудак падает, грубя и отрыгивая.

А ты стой, дурак, не падай,
а ты стой, мудак, не падай,
а ты стой, чудак, не падай.

А ты падай, чудак, не подмигивая,
а ты падай, дурак, не подрыгивая,
а ты падай, мудак, не отрыгивая.

А подрыгивая, дурак, не греми,
а отрыгивая, мудак, не груби,
а подмигивая, чудак, не плашмя.

Дурак встал, сопя и оглядываясь,
мудак встал, вопя и отряхиваясь,
чудак встал, маня и отшучиваясь.

А ты не прячь, дурак, пятак в кулак,
а ты не прячь, мудак, пятак в пиджак,
а ты не прячь, чудак, пятак в башмак.

Иди, дурак, ликуя и радуясь,
иди, мудак, гордясь и празднуя,
иди, чудак, красуясь и сватаясь.

Ведь у тебя, дурак, пятак,
ведь у тебя, чудак, пятак,
ведь у тебя, мудак, пятак.

Беги, дурак, звеня и подпрыгивая,
беги, чудак, звеня и подпрыгивая,
беги, мудак, звеня и подпрыгивая.

2001

* * *

Столбы, столбы, столбы, столбы,
кабы, кабы, кабы, кабы
ни от сумы, ни от судьбы –
столбы, столбы, столбы, столбы.
От пункта А до пункта Б –
столб на столбе, столб на столбе,
от пункта Б до пункта А –
столб у столба, столб у столба.
Столбы, столбы, столбы, столбы,
дым из трубы, рёв из трубы,
что застолбилось в голове
от пункта Б до пункта В?
Столбы, столбы, столбы, столбы,
кабы, кабы, кабы, кабы
не перекладина к столбу
и не зарубина на лбу.
Столбы, столбы, столбы, столбы,
кубы, кубы, кубы, кубы,
домов кубы, кубы домов –
возле столбов, возле крестов,
от пункта В до пункта Г –
рука к груди, нога к ноге.
Столбы, столбы, столбы, столбы,
домов гробы, домов гробы,
от пункта Г до пункта Д –
беда к беде, вражда к вражде.
Столбы, столбы, столбы, столбы,
кабы, кабы, кабы, кабы
ни стон мольбы, ни ад пальбы,
кабы из цинка ни гробы,
гробы, гробы, гробы, гробы.
От пункта Д до пункта Е –
и житие, и забытье,
от пункта Е до пункта И –
спаси, спаси и сохрани,
от пункта И до пункта Й –
о, не убий, о, не убий,
от пункта А до пункта Я –
о, мать моя, о, мать моя!
Столбы, столбы, столбы, столбы,
кабы, кабы, кабы, кабы
ни от тюрьмы, ни от судьбы –
столбы, столбы, столбы, столбы.

2000

Ч

то же неслыханнее молчанья Господнего – тише!

Да замолчите же вы, граждане, ради Христа.

Авторская система тончайших методов,
средств и приёмов творчества Величанского
создают ту достоверность, необходимость и
личность мира «любви – смерти – Бога»,
какую может обеспечить только *истина-алетейя*
новой эстетики.
Подлинность мира стиха Величанского,
распахивающего в обыденный мир *земли*
свою тайну, рождает, прежде всего, доверие.
И затем – надежду (на бессмертие – личное!).
И, наконец, – любовь.
К этому миру. К этим стихам. К этому слову:
ИСТИННОМУ.

2000

самиздат

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

АЛЕКСАНДР ВЕЛИЧАНСКИЙ <p>(1940 -1990)</p>	КОК-тебель в ХэнКОКе
<p>Прошло десять лет со дня смерти поэта. Классика Бронзового века русской поэзии. Создателя новой просодии. Тонкого исследователя и интерпретатора старых систем стихосложения. Работая в парадигме «новой эстетики», Величанский построил большой и богатый <i>миръ</i>. Главными сущностями этого мира являются: <i>любовь – смерть – Бог</i>. Они же задают структуру мира Величанского. И все сущностные отношения. Предельно лаконичные и предельно значимые.</p>	<p>Когда-нибудь, – думал я, возвращаясь в Нью-Йорк из поездки в американскую «глубинку» к Константину Кузьминскому, – название Hancosk будут писать Hап-КОК, связывая с именем владельца станционного строения, превращенного хозяевами в мастерскую, издательство, типографию, оранжерею, картинную галерею, аудио-, видео-, фото-, фильмотеку, необъятный архив... Добавлю: в арсенал во главе с легендарным «максимом», полигон для армейских «виллисов» начала сороковых годов и эллинг для парусных судов (начало положено яхтой «Эмма Подберезкина» – тезкой самой верной из жен, подруг и помощниц поэтов всех времен и народов)...</p>

...Наш пикап, ведомый знаменитым самиздатчиком семидесятых годов Михаилом Поляковым, свернул на довольно узкий проселок, где вряд ли развехались бы два танка Т-34, и через несколько секунд перед нами открылся близкий душе российский уголок: ожерденный нашенской изгородью участок, неканонической архитектуры строение со следами перестроек, пристроек и ремонтов из подручных материалов; вывеска над парадным входом на чистейшем русском: «БАНЯ»; в нескольких шагах – одноколейка, по которой за время нашего пребывания не прогремел ни один поезд. За железной дорогой лениво урчал в каменистом ложе ручеек – граница штата Нью-Йорк...

Двадцать пять лет тому назад я торопился из Большого Дома, где мне были заданы несколько загадок на тему: «что это за рулон с текстами нашла в вашей киностудии уборщица и (как сугубо б(э)дительный человек) принесла в Первый отдел?» и десяток вопросов, не имеющих отношения к Осипу Манделъштаму, стихи которого и были на рулоне, откатанном у приятеля на допотопном РЭМе. Торопился же я на бульвар Профсоюзов, к Косте Кузьминскому, – остальные вопросы имели прямое отношение именно к нему. Я предупредил его, что Там интересуются, «каким образом Кузьминский собирается переправить за рубеж свой архив?» Потом мы обсудили какие-то мелочи, связанные с микрофильмированием кое-чего с помощью старенького «Зенита», потом я поехал документировать «стройку века» – БАМ, а Кузьминский – реализовывать свои проекты в другую часть света...

Двадцать пять лет тому назад я торопился из Большого Дома, где мне были заданы несколько загадок на тему: «что это за рулон с текстами нашла в вашей киностудии уборщица и (как сугубо б(э)дительный человек) принесла в Первый отдел?» и десяток вопросов, не имеющих отношения к Осипу Манделъштаму, стихи которого и были на рулоне, откатанном у приятеля на допотопном РЭМе. Торопился же я на бульвар Профсоюзов, к Косте Кузьминскому, – остальные вопросы имели прямое отношение именно к нему. Я предупредил его, что Там интересуются, «каким образом Кузьминский собирается переправить за рубеж свой архив?» Потом мы обсудили какие-то мелочи, связанные с микрофильмированием кое-чего с помощью старенького «Зенита», потом я поехал документировать «стройку века» – БАМ, а Кузьминский – реализовывать свои проекты в другую часть света...
Для человека, который почти сорок лет крутился как белка в десятке колес, одновременно колеса по всей России, творя и растворяя себя во всех мыслимых и немыслимых жанрах в стране, где на тысячу человек партия выдавала один билетик («Проверку на вшивость выдержал. Вшивый») в номенклатурный предбанник, а общественность «не читает, но осуждает, негодует и требует», Кузьминский выглядит вполне благопристойно. Традиционный халат, увеличивший свой размер соответственно выросшему брюху хозяина и изменивший цвет, заметно поредевшие борода и шевелюра (здесь теплее), сигарета-неразлучница (но не «Памир») и... поток идей, проектов, стихов, баек, анекдотов, характеристик, заметок вскользь – по делу и ради колющего словца, и... гора изношенных в хлам компьютеров и ксероксов (перегрелись от напруга!). А на рабочем столе мерцает включенный круглые сутки экран монитора, на котором подрагивают от возбуждения строки то ли реанимируемой поэмы, то ли очередного ноктурна очередному потенциальному спонсору с предложением принять участие в реализации очередного блистательного проекта. 20 лет назад Костя в письме Геннадью Трифонову писал: «Проектов тут осуществил – десятки. И еще на очереди – сотни». Сегодня можно уточнить: осуществил – сотни, а на очереди – тысячи. Пока мы трепались о том-о сем в оранжерее (обеденный придаток кухни, где бесшумно творила — из фермерских куриных яичек по два доллара за пять дюжин — русскую яичницу Мышь-Эмми) и на воздухе, родилось, по крайней мере, четыре новых: «аннотированные» стихами ККК рисунки Элинсона (**«звонил сейчас гарику элинсону, обсудить нашу с ним книжку «бред белых ночей» – рисунки углём, мои тексты»**); серия набросков «Мои знакомые»; факсимиле «загубленного» в семидесятые годы «Гратиса» (**«Донской, зараза – А не издать ли нам «Гратис» <...> Эрлю я слал (лет 5 тому) оригинал-макет, для издания в неминовской «Призме-13», <...> Оригинал он – 100%-но хранит, я Эрлика знаю**); несколько книжек «избранного» Валерия Молота... Переиздать в сокращенном виде Антологию... И уже ночью он корректировал гранки первого сборника Молота, когда мы, несколько очумев от переизбытка энергии, похрапывали с Мишей Поляковым и Ольгой Иешиной-Кромешкиной (так он величал мою жену-декабристку) на втором этаже среди десятков ящиков с архивными материалами и остатками микротиражей его американских изданий. Весь следующий день мы посвятили знакомству с его картинной галереей, которую «на халяву» уже готовы заглотить покупатели-музейщики. Тут же родился грандиозный проект организовать в Питере музей и исследовательский

<p>Центр истории самиздата от Ивана Калиты до наших дней.</p>
<p>В основу музея положил галерею и архив Кости, выкупить на часть средств от продажи кое-каких материалов его легендарную квартиру на Конногвардейском, привлечь поэтов, художников, фотографов... но об этом в следующий раз. Уезжали мы с многочасовым видеоматериалом, компакт-дисками с текстами и переполненными головами... А теперь обмениваемся информацией и идеями «емелей». Вдур! хотя бы сотню из его тысячи проектов удастся реализовать!</p>

Академик Слава Лён

10 августа 2000, Клаверак, США

Гелий Донской

MISCELLANEA EARLIANA

(1970 – 1981)

1 × 33*

2
«Аз есмь Альтшулер и Омега…»
3
Антигонное.
4
А ну-ка пенсию пропей, веселый Вертер!..
5
Да не грызите же вы ту самую жопу, в которой все вы сидите!
6
Два чая — две морали.
7
... детёныш Цилин ...
8
Детская кайфоломка.
9
Зверь рыбака видит издалека.
10
И скушно, и грустно, и некого грязью облить...
11
Как кот в масле катался.
12
«Книгу ту — на составные части раззять!»
13
Кто сказал Э, должен сказать и Ю.
14
Министерство паробразования.
15
Мы рождены, чтобы с чувством глубокого удовлетворения сделать сказку былью.
16
Мысли полёт — мордой об лёд.
17
Наше дело левое, — мы победим!
18
Наше дело правое, но это поправимо.
19
Пластырь духовный.
20
По небу полуночи боинг летел...**
21
Ради красного словца не пожалеет ни Даля, ни Фасмера.
22
Ростбифа капли упали на грудь...
23
Сказавший А от Б и погибнет!
24
Славна дагга за горами...
25
Сон, котлеты, гороховый суп, лапенок...
26
Спортивный эдипов комплекс.
27
Студия центрального чревоушения.

* Лозунги, пословицы и оговорки (1)

** По небу полуночи дятел летел...

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

28
Тапира, словно первую любовь...
29
У меня нет плана в голове.
30
Что у слова на воробье, то топору по колену.
31
Чумовые эффекты.*
32
Эпоха дегенерассанса.
33
Я встретил вас и всё такое.

2 × 17**
1
С. Сигею
Вещи бывают двойкие:
либо тыкие, либо якие.
2
Добродетель права,
ставя клизму отсюда досюда...
3
Д. Я. Дар оказался прав: постановле-
ние ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и
«Ленинград» было принято 14 августа 1946
года. Ровно через девять месяцев, 14 мая —
я родился.
4
...и в тело, простёртое молча пред ним,
вонзил он свой нож ювелира!
5
Друзьям поэтам по так называемой
«второй литературной действительности»
Как в одной могилке
мы друг с другом пылки!
6
Мы, как и вы, в пейзаж *вписались*, —
но только в том не признавались...
7
На ветках дерева вповалку птицы спят
как только в юности отвратные созданья.
8
На заре ты её не буди —
пусть солдаты немного поспят...
9
Дружеский совет Науму Зайделю,
флейтисту
На ум, Наум, надейся,
на свой индивид'альный дух.
10
Не сыт ли ты?
Не суть ли я?
11
Она его за зубы полюбила,
а он её...***

* Чумовое оформлние.

** или *Вереница двоестийши*

*** ...зубами прихватил.¹

¹ за состраданье к ним.

12
Он говорил мне: торчу и немею...
Но кайф не ловил он. Нет! не ловил он.
13
Под знаменем марксизма-ленинизма
ступай, народ, к победе коммунизма.
14
Ты лети и вейся вдаль,
Байкало-Амурская магистралы!
15
У Пиита два начала:
один конец, другой — мочало.
16
Я сам усат!
Вы сами — с вами.
17
У нас ещё в запасе
задвижки на байпасе!

3 × 1*

Страница из моих воспоминаний о ***

Однажды Унитаз
взобрался на Парнас...

Дальнейшее — молчанье.

4 × 3**

1
Окунь морской
полон тоской.
Полны тоски
очи трески...

2
Совет другу в день свадьбы
от сочувствующего**

Академизмы Вам
не помешают
в тот день,
когда воскреснет мир,
когда, быть может,
в ступе размешают
и Вас и нас,
и ты и Мы.

3
Это случается
только в девичестве.
Дверь открывается
автоматически.

* *Воспоминанье*

** 16 строк.

** Кз в честь свадебного дня от В.Э.

***

Так начинают.
Б. Пастернак

Так начинают говорить...
Над бездной хаоса парить
И то, и это называя...
Рождая твердь из хляби вод...
Где слово, твой престол и лот,
В глубины времени идет,
Всю толщу жизни промеряя...
Не цепь, но только речи нить
Дает возможность сохранить
Пространства внутренний избыток...

На грани двух миров и сред
Квант *духа* переходит в *свет*
Не в Акт, но *акта* пережиток...

В нас начинает западать
Живого *слова* благодать,
По буквам, за подкладку речи
Средь тесноты и суеты,
Где мир, лишенный немоты,
Извечно замыслу перечит...

23.08.97. 12.01.2001

***

Когда нас выбирает речь
Кореньев, прели, мхов – сиречь,
Чего-то, очень родового,
Она бесвязна и темна
Пока не выплывет *со дна*
Пропитанное солью слово...

И поплывут из темноты
Слов почерневшие плоты
Им нужен выход на поверхность
Под ливень слез, в горячку дня,
Где ожидаешь ты меня,
И где без нас темно и пресно...

Где день по кругу, сам не свой,
Гуляет с голой головой
Пока в душе, как на аркане,
Молчанья ключевая речь
Готовится стихом истечь
И подбирается к гортани...

03.12.99

***

Распахнут лист бумаги.
Лежит на все четыре...
Вселенские овраги
Ничуть листа не шире.

Лист на ветру трепещет.
Травинка в поле гнется.
Витают смысл вещей,
А в руки не дается.

Витают дух старинный.
Витают дух вселенский
Над пашнею, над глиной,
Над ширью деревенской.

Упали в почву зерна
И не взойдут до срока...

Свободно и просторно,
Светло и одиноко.

***

В небесах всея России
Колокольни да кресты,
Облака сторожевые,
КПП, да блокпосты...

Это там святой Георгий,
Взяв копьё на перевес,
Под молитвы и восторги
Мчит сквозь чёрный страшный лес...

Чудищ обло и огромно
В тех краях, у тех болот...

Сколько лет и зим, бездомный,
Он их колет, топчет, бьёт?...

Это там, в Небесном граде,
На вершинах горных круч,
Бьются, бьются Бога ради,
Чтоб сюда пробился Луч...

А по водам всей России,
Из Небесных дальних стран,
Облака сторожевые
Проплывают в Океан...

15.07.99

***

Душа болит, как будто в ней заноза...

То краснеем, то бледнеем от мороза,
То нас сушит зной, то дождь сечёт,
То мы босиком, то в жарких шубах,
То нежны как ангелы, то грубы
Как извозчики, и каждый третий пьёт...

Мы какие-то навеки не такие,
То ли по монголам ностальгия,
То ли морок дельты и болот...
Мы не европейцы, мы другие,
Малярия духа, малярия –
Жёлтый дом... и каждый третий пьёт...

Нам не счесть ошибок... а потери...
От свободы, что была у двери, –
Хинный привкус истины во рту...
Жёлтый прикус быта и порнухи,
Жёлтые горячечные слухи
В столбовую полегли версту...

В малярийном воздухе России
Сполохов огни сторожевые...
Блокпостов, застав и нищих МРОТ...
Не понять, умом их не измерить...
Мы в самих себя устали верить...
Мы еще, наверно, не народ...

18.07.99

ХУДОЖНИК

Евг. Орлову

В младенческой гордыне самозванства
Мы получаем под залог
Дар языка, сквозняк пространства,
Любви живительный поток.

Мы покидаем одиночки
И, выбив дно, выходим вон
Не написав еще ни строчки
О тьме, о хаосе времен...

Какая нас питает сила,
И почему одним дано,
Чтоб в будущее их сносило,
Чтоб проявлялось в них оно?

Нас из пространства вычленяют.
Мы получаем под залог
Всё то, о чем еще не знаем,
Но что вернем сполна и в срок.
Мы свет вернём, вернем мы звуки
И бег ручья, и небо птиц,
И пальцев шепот, на поруки
Берущий взмах твоих ресниц.

Есть в средоточии исхода
Судьба, гудящая окрест.
В ней право выбора... Свобода
Принять и вынести свой Крест...

17.01.96

***

Я в родстве, я в каком-то родстве
С довоенною шляпой из фетра,
С перестуком дождя по листве,
С перекличкой озябшего ветра.
Я в родстве с чистой медью судьбы
Из того духового оркестра,
Где высокое соло трубы
Обрывалось помимо маэстро.
Я в родстве, я в родстве, я в родстве
С деревенской забытой Мурзицы,
Перестуки дождя по листве,
Ходят по полю важные птицы.
Заложили за спину крыла
И о чем-то толкуют, толкуют...
Вот и жизнь, будто поле легла –
Разве можно придумать такую:
Косогоры, овраги, поля,
Холка леса, простор этот тесный...
Как бездомна ночная земля
На краю очарованной бездны...
Будто куист, поглощен темнотой,
Я в родстве с ним. Нас полночь колышет...
Кровоток, перестук, перегной...
Это почва бормочет и дышит.

1979

ЮЛИАН РЫБАКОВ

***

эрлю

во внутреннем развитии
жизнь на слова меняя
в хмельной давилъне быта
нас вынесла кривая
в египетское царство
к печам истопников

в колосники пространства
и в продухи стихов
там тишина сырая
там птица закричала
там звуков птичья стая
молчанье раскачала

от столбняка очнулось
тройное небо трои
от нас туда дохнуло
и вздрогнули герои

тройное небо трои
там замер день в зените
там от цикад и зноя
густеет ход событий

здесь жаром сушит губы
вскипающая речь

здесь холод ломит зубы
здесь век не скинуть с плеч

во внутреннем развитии
во тьме еще до слов
вольню цезурам птичьим
в дыхании стихов...

29.11.97. 23.12.00

***

Зимой подробней, глубже спится.
Зимы вскипающий наркоз
Лишает воли очевидцев
Нахрапом, надолго, всерьёз.

И побелевшими губами,
Пока мы спим, утратив прить,
Пространство нас сквозь зубы тянет
И не торопится будить.

Оно жаелает поселиться,
Желает поселиться в нас,
Желает духу причаститься –
В парадных, в форточках клубится,
Заглядывая в наши лица,
Как будто видит в первый раз,
Вздыхает, голову морочит,
Заводит шашни и в тоске,
Имея зуб на всех, пророчит,
Как будто рассказать всем хочет
Об одиночестве, о ночи,
О ледоставе на реке.

06.02.98

МЕТЕМПСИХОЗА

в состоянии не стоянья
не сиденья не лежанья
в состоянии не хотенья
обретения желанья
в состоянии полу брома
полуюяви полу секса
в состоянии полудрёмы
безусловного рефлекса
в судный час палиндромона
грешной жизни фифти-фифти
в час прощения и шмона
в грязно-серо -жёлтом лифте
жизнесмерти шахты духа
вы во след себе шепните
ни пера мол и ни пуха
и летите на гаити
на валдай любви где волга
ручеек едва приметный
где ни волжской гэс ни долга
где свободный безответный
вы парите над поляной
лучшей в мире земляники
бестелесный безымянный
перехожий как калики

16.07.99

***
Июля спичечный сарай,
расплавленный сачок отдай,
утешься ритуальной птицей.

Невыразима ветвь теней,
где ищет плена соловей,
он роет яму царь-девице.

июль 97

***
Отпуск из воска, в нём электричка молчит
и надрываются пчёлы, вивась над малиной.
Марки мусоля на клумбе ребёнок ворчит,
праведный ястреб ласкает небесную глину.

Я обретаю её, если в поле закрою глаза
и зависаю над липой, полной прохладного мёда.
Дышит слеза, отзывается в море гроза,
шопот медянок с обочины Божьего следа.

сент. 97

***
Вся родовая паутина
мерцанье скрипки
возникшей во шестом часу
когда глагол морочил тело...
Какое милой скрипке дело
(разрушившей мою слезу)
до песни жизни неумелой.

Нежнее жизни неумелой
и гиацинта на весу
стон паутины ночью белой.

Воркует поцелуй несмелый
в тетради во шестом часу
закладкой жизни неумелой.

(Я забываю берег белый
и муравья в сухом лесу)

осень 97-98

***
Снег сжимается. Хандра.
Вялый чай, угрюмый бублик.
Кот гуляет, именинник,
на окраине окна,

Я котом обременю
третью ветку вяза детства.
Одинокое наследство
не забывшее меня.

весна-осень 98

***
Холодает без дождей
Ты целуешь осторожно
Польхает луч острожный
Медлит в комнате моей

Флейта Глюка рифму греет
веткой нежного костра
Это голоса кора
осыпается и тлеет

И верхней клинка вина
приблизённого бокала
оживёт лесное жало
тенью в проруби окна.

ноябрь 99

***
Совершенно скользкий сад
для гуляния опасен.
Цвет небес, увы, неясен,
там мелькает птичий зад.

Там поёт больной паук
и мерцает головою.
Паука платком накрою
при набеге едких мух.

Едких мух из жёлтых дней
с гимном саду-огороду.
Пропасть тёплого народу
приласкал валет червей.

И лопочет у дворца
согрешившей иностранкой,
безнадёжною Каштанкой
заплутавшего творца.

ноябрь 99

***
Вскрываю книгу
жалости Поодаль
чернильница и нега
для похода

Чернильница для сна
есть нега камня
Естественно грустна
рассвета мания

Тяжеле лепестков
шести Флоренций
на Севере покров
чеченских специй

И влажноспящий взгляд
начмеда рая
нацелен на оклад
до образа сгорая

1. 05. 00

***
Лёве Васильеву

Полынья. Не помню имени
семени на дне поляны,
опечаленного пламени
вознесённые изьяны
верескова рода-племени.

Поводырь махорки матерной
из лукошка комья пряжи
выстроил на скверной скатерти,
среди них котёнок ляжет
пульсом нежности и памяти.

Ветер деда за горою
разбирает лист на кладбище.
Нищете глаза закрою:

Не смотри на двор и пастбище –
горе местного покроя.

Дешевеет дождик. В иней
смех шипит на перекрёстке.
Ты перекрестись и выпей
ужас белый из напёрстка –
грех Михнова перед Веней.

2-8 дек. 99

***
Сердце сороки
осмотрено садом
изведано ветром
размотано гадом

Око сороки
свито улитой
срамом намыто

Знамя сороки
окись осины
зной паутины

Время сороки
капли и грани
сверенной рани

8-9 окт. 99

***
Балахоны любви
Прусским шёлком объаты
На блаженных гладильнях распяты
Козырных не лови

Козырных на бюро
Красна дерева от отваливших
И в Париже не лишних
Заяви на зеро

Балахоны любви
Петергофской зари клавины
В ней посмертно сияют осины
Перевод не губи

Но кивни головой
Обретая мои опечатки
И подсказку забитой брусчатки
Отдели черновой запятой

И скажи ангел мой
Мармелад выносила Лариса?
За кулисами вящего смысла
Кружевами головку покрой

25. 04. 00

***
У тумана вёсел нет.
Дверь на кончике проспекта
Запеленута в жилет,
Резким дворником пропета.

У реки ступеней нет.
Небо пляжа оголяет
Нераскрашенный рассвет:
У попа собака лаает.

Я верну тебя горе
Македонского замеса,
Где ягнята в серебре
Колокольцев от Рамзеса.

Где почтенная трава
Как обедно точит пальцы
У раскованного рва
Засыпают погорельцы.

Ты да я и тень в тетрадь.
Тень фонтана подземелья.
Местью иволги размять
Песен рисовые комья.

14.02.01

СтихООпыты

ИЗ ЦИКЛА «ТАНЦЫ БУКВ»

ЕВРОПА

1. ПОХИЩЕНИЕ
ЕВРОПЫ

*...сбондили...
по волнам...
О.Мандельштам*

Европа –
Ева пор.
«А в поре! –
вор. – Пе, а?»
«. . . . !» –
Европа
«Пе, а? – вор. –
Е, право,
пора в Е.!
Пра, Е. – во!
О, в паре!..
Евр, опа,
правое!..»

«О, в паре?» –
Европа.
Повера.
Правое
Евра – оп.
(Пар – ево.)

Ева – про...
Вор: «А, пе...»
Ева – про...
Вор: «А, пе...»
Ева – роп.
Вор: «Пеа!
А перво –
в Е. пора».
Рев: «Пооо! Ааа!..» –
«Оп, рева!

Европа? –
Ервопа!
Ерпова!»

2. ПОВАР Е.
*(Из отходов
предыдущего)*

Повар Е. –
в опаре:
«Во репа!»
Поев ра,
в ер – опа.
А Перов-
опер: «Ва!
А Прево –
в Опер!..» –
«Е, право, –
Е-вро-па!..
А, перо в!..»

ВАЛЕРИЙ

*Валерию
Мишину*

Ave ¹,
Валерий ²!
Аврелий³?
Вар ⁴ елий?

Валерий,
лев арий,
вали! рей!
вели: рай,
рай и лев;
в рай – ели;
лей в аир
елий вар,
лей, вари!
(Варий⁵ ел –
ай, верил.)
Ври, а лей,
лей - вира!
Вар лей и
лай и верь,
Валерий.

Вей, лира!
Левий⁶ – вал
арий, ре⁷ –
равелий⁸
лай и рев – –
вей, лира,
вери лайвли⁹!
Ай, ре!

Ave,
Валерий!
Vale¹⁰!

Лавр и Ей ¹¹!

¹ Ave, Caesar... (лат.)
– Здравствуй,
Цезарь!

²Здесь:
и Валерий Мишин,
и Валерий Катон,
римский поэт.

³Марк Аврелий,
римский император
и философ-стоик.

⁴Вар Публий
Квинтилий,
полководец
Августа.

⁵Варий Луций, поэт,
друг Виргилия
и Горация.

⁶Римский поэт.
⁷Нота.

⁸Прилагательное
от «Равель» (Морис).

⁹Very lively (англ.)
– очень бодро.

¹⁰Будь здоров (лат.).

¹¹Имеется в виду
Тамара Буковская.

ИЗ ЦИКЛА «ТАНЦЫ СЛОВ»

НАДО ДАТЬ
ВСЕМ-2

надо дать всем
всем надо дать
дать всем надо

надо всем дать
дать надо всем
всем дать надо

надо всем надо
надо надо всем
всем дать всем

всем всем дать
дать всем дать
дать дать всем

всем всем надо
надо надо дать
дать дать надо

надо дать надо
надо всем всем
всем надо всем

всем дать дать
дать надо дать
дать надо надо

надо дать дать
дать всем всем
всем надо надо

надо надо надо
всем всем всем
дать дать дать

жить

ИЗ ЦИКЛА «ЗВУКОВАНИЕ»

ЖЕНОНЕНАВИСТНИК – ЖЕНОЛЮБ

дураада
дурарая
дурарада
дурафая
дураванда
дуралинда
дуравита
дуравета
дурарита
дурасвета
дураева
дураклава
дуравика
дуралика
дурамика
дураника
дурабэлла
дураэлла
дурамила
дурастелла
дураанна
дураяна
дурадина
дуразина
дуралена
дураинна
дуранина
дураминна
дуранонна
дураримма

дурасима
дуракатя
дурамотя
дураустя
дуранастя
дурахристя
дурааля
дуранеля
дурагалья
дурациля
дураоля
дурауля
дураполя
дуразля
дураоля
дурааня
дуратоня
дурадуня
дурасоня
дурагеня
дураженя
дуратаня
дураманя
дуратося
дурамуся
дурадуся
дурахлоя
дуразоя
дурамайя
дуратая
дуралара
дураклара
дуравера
дуракора
дурамира
дуранора
дураира
дуракира
дурадора
дурафира
дурасофа
дурастефа
дурамуза

милоада
милорая
милорада
милофая
милованда
милолинда
миловита
миловета
милорита
милосвета
милоева
милоклава
миловика
милолика
миломика
милоника
милобэлла
милоэлла
миломила
милостелла
милоанна
милояна
милодина
милозина
милолена
милоинна
милонина
миломинна
милононна
милоримма
милотома
милосима
милокатя
миломотя
милоустя
милонастя
милохристя
милоаля
милонеля
милогалья
милоциля
милооля
милоуля
милополя
милоэля
милоюля
милоаня
милодуня
милосоня
милогеня
милотаня
миломаня
милотася
милотося
миломуся
милодуся
милохлоя
милозоля
миломайя
милотая
милолара
милоклара
миловера
милокора
миломира
милонора
милоира
милокира
милодора
милофира
милософа
милостефа
миломуза